

A. С. ТУМАНОВА

**ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ И
ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ¹**

**VOLUNTARY ASSOCIATIONS IN IMPERIAL RUSSIA AND THE
FORMATION OF THE PUBLIC SPHERE IN WESTERN EUROPE**

This article considers the influence of the experience of the formation of voluntary associations in European countries on self-organization in Russian society from the last third of the 18th to the early 20th century. It examines how European forms of associations and individual practices associated with their functioning were borrowed in the course of the creation of Russian societies. Examples of the transfer of ideas and practices, as well as symbols used in the activities of Russian societies in the field of science, health and culture are presented. Voluntary associations in Russia are interpreted as a European invention, successfully taking root on Russian soil and often acquiring original ideological content. The author also describes the key explanatory theories of the formation of civil society based on the experience of states in Europe and North America. The article shows which aspects of this experience were applicable to imperial Russia and to what extent.

Keywords: civil society, voluntary associations, transfer of European ideas and practices

Anastasiia S. Tumanova – National Research University Higher School of Economics (HSE University), Law Faculty, Department of Legal Theory and Comparative Law. Professor, Center for Civil Society and Non-Profit Sector Studies, Leading Research Fellow, DSc in Law, DSc in History, Moscow, Russia. E-mail: anastasiya13@mail.ru

1 *Citation:* A. S. TUMANOVA, “Dobrovol’nye assotsiatsii imperskoi Rossii i formirovanie publichnoi sfery v Zapadnoi Evrope” [Voluntary Associations of Imperial Russia and the Formation of the Public Sphere in Western Europe], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 133-157. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.6

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
The research was carried out within the framework of the HSE University Fundamental Research Program

РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАПАДНОГО ОПЫТА

Теоретические конструкции, описывающие рождение и развитие добровольных ассоциаций как институционального стержня гражданского общества, базировались, в первую очередь, на опыте наиболее продвинутых в данном отношении государств Европы и Северной Америки. Одно из классических исследований гражданской сферы, проведенное французским аристократом, социологом и историком первой половины XIX столетия Алексисом де Токвилем, основывалось на опыте США. Посетивший Соединенные Штаты Америки в 1830-е гг. (то была для США «эра ассоциаций», которые возникали тысячами), Токвиль был восхищен способностью американцев разных возрастов и склонностей к созданию ассоциаций и пришел к выводу, что США продвинулись в развитии гражданского общества существенно далее других стран. Токвиль констатировал, что в Америке в ту пору действовали «... не только объединения коммерческого или производственного характера..., но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек»².

Веком ранее, с начала XVIII в., Меккой общественных объединений была Англия. В XIX в. «обществом ассоциаций» становятся США, где формируется широкий спектр обществ благотворительных, религиозных и библейских, трезвости, борьбы с пороком и безнравственностью, поддержки промышленности и др. Степень вовлеченности американцев в практики ассоциаций была тогда достаточно высока. Так, в период с 1825 по 1870 гг. треть населения американского города Джексонвилл штата Иллинойс участвовала в том или ином добровольном обществе³. Создавая ассоциации, американцы, по словам Токвиля, решали свои вопросы самостоятельно, брали ответственность за свою жизнь и работали во имя общего блага. Тем самым они демонстрировали способность разрешать проблемы, с которыми не в силах были справиться государственные институты, становясь на путь сотрудничества с государством.

Описанные Токвилем социальные процессы легли в основание теории публичной сферы, созданной немецким философом Юргеном

2 Алексис де Токвиль, *Демократия в Америке*: пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки (Москва: Прогресс, 1992), 378.

3 ШТЕФАН-ЛЮДВИГ ХОФФМАНН, *Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914*. пер. с немецкого Ю. В. Коряков, Д. А. Сдвижков (Москва: Новое литературное обозрение, 2017), 47–48.

Хабермасом во второй половине XX в. Понятие публичной сферы (или общественности), ставшее в ту пору ключевым для объяснительных моделей формирования гражданского общества, было создано Хабермасом на основании обобщения опыта развития политико-философских идей и институтов общественности в XVIII–XIX вв. Ученый выделил несколько ключевых форм, в которых нашло выражение становление общественности. В их числе были кофейни, читательские и дискуссионные кружки, клубы и ассоциации. Указанные институты анализировались на примере Англии и ряда стран континентальной Европы, прежде всего, Германии и Франции. Поначалу публичная сфера формировалась под влиянием литературы и художественной критики, однако затем, под влиянием Французской революции и вследствие распространения общественно-политических газет и журналов, а также возникновения представительных учреждений, она политизировалась. У публики появилась претензия на участие в политической жизни и государственном управлении. Характеризуя ключевые вехи вызревания публики, ученый использует термины «институционализация приватной сферы», «литературная публичность», «политическая публичность» и др.⁴ Как будет показано далее, схема Хабермаса является рабочей и для Российской империи.

В объяснительной модели Хабермаса присутствует английская модель развития, континентальные варианты и др. Внутриорганизационным процессам и культуре в указанных странах уделяется существенное внимание. В предисловии к изданию 1990 г. Хабермас указывает, что в обществах западного типа добровольные ассоциации образуются в институциональных рамках демократического правового государства и сами по себе порождают демократические практики. Ассоциации понимаются как структуры, «влияющие на формирование мнений и способные становиться центрами кристаллизации автономной публичности», дающие гражданам возможность управлять самостоятельно, действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале⁵. В ядро слоя «публики» включаются буржуа, а также должностные лица общественного управления: в континентальной части Европы с ее традицией рецепции римского права и правовой доктрины это были, прежде всего, юристы. Наряду с ними к публике причисляются врачи, приходские священники, офицеры, профессора, а также школьные учителя и писари⁶.

4 ЮРГЕН ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества* (М.: Изд-во «Весь мир», 2016), 82–111.

5 ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы*, 41–43, 170.

6 ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы*, 73.

Очередной попыткой рассмотрения истории добровольных ассоциаций в транснациональной перспективе стала книга немецкого историка Штефан-Людвига Хоффманна. Используя парные категории «демократия» и «социальное общение», Хоффманн характеризует особенности развития ассоциаций на протяжении «долгого» XIX века, от позднего Просвещения до Первой мировой войны, в период 1750–1914 гг. Отталкиваясь от концепций гражданского общества Токвиля и Хабермаса и разделяя их мнение о ключевой роли ассоциаций в создании публичного пространства, Хоффманн понимает под социальным общением присущие добровольным ассоциациям практики: формализованные правила (процедуру приема в ассоциацию, уставы и т. п.), равенство членов, автономные цели (совершенствование нравов, общества и др.) и добровольность объединения. Акцент на практиках ассоциаций позволяет частично исключить из сферы исследования неформальную общественность: аристократические салоны, буржуазные семьи, чайные, создание национальных памятников и пр.⁷

В фокусе исследования Хоффманна – сравнительная история общественности, воплощенная в социальных практиках функционирования ассоциаций различных стран, от США до европейских государств (Британская империя, Франция, немецкие государства, включая Австро-Венгрию, Российская империя). Выявляя общие черты в развитии ассоциаций разных стран, автор приходит к выводу, что общество социального общения формировалось в географическом пространстве от Бостона до Санкт-Петербурга. Оно преодолеvalo пространственные и государственные, социальные и конфессиональные границы, включая в свою орбиту в Западной Европе – местных и чужеземцев, дворян и буржуа, чиновников и торговцев, иногда и мастеров с ремесленниками. Культура социального общения получала выражение в общественных объединениях Просвещения – независимом от государства, сословий и конфессий свободном союзе индивидов, надеявшихся усовершенствовать себя и человечество. В формально неполитических общественно-нравственных идеях и практиках ассоциаций XVIII в. был заключен, по меткому выражению, Хоффманна, «фактор подспудного расшатывания политического порядка Старого режима». История ассоциаций представляется тождественной истории либерализма, поскольку в эпоху, когда большинство стран на европейском континенте существовало в форме конституционных монархий, ассоциации действовали как школа демократии⁸.

7 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 10, 20, 21, 142.

8 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 23–24, 130.

Специалист в области культуры Просвещения Маргарет Джейкоб полагает, что архитектором культуры самоорганизации и социального общения выступала политическая культура Англии. Научные, философские и естественнонаучные общества появились сначала в Англии, и лишь затем – на континенте. В XVIII столетии из Англии, страны с конституционной монархией, как пишет Джейкоб, на континент, где в буквальном смысле царил абсолютизм, была импортирована конституционная модель построения ассоциаций. Добровольные ассоциации континента подражали британской практике, а также британским традиционным нормам учреждения ассоциаций, управления ими, узаконивания их, формам собраний и голосования, будто бы они находились в Британии, а не в странах континентальной Европы. Разнообразные общества публичных чтений, масонские ложи и просветительские ассоциации являлись модерным социальным пространством внутри государства Старого режима в Европе, участники которого в игровой форме вырабатывали демократические практики. Элементами этих практик выступали многие аспекты управления ассоциациями: создание уставов, выборы членов, совещания по поводу приобретения книг и прочтения научных рефератов. Уставные и иные документы обществ были составлены, по выражению Джейкоб, на «языке конституционализма», а сама «ткань добровольных ассоциаций и неформального общения» выступала «живым опытом», который порождал «новый менталитет»⁹. В то же время ассоциации континентальной Европы сохраняли многие патриархальные и иерархические ценности и не бросали прямого вызова абсолютизму.

В сравнительный общеевропейский аспект ставит историю российских научных и образовательных обществ XIX столетия американский историк Джозеф Брэдли. Ученый полагает, что гражданское общество имперской России создавалось в общеевропейской парадигме. У ассоциаций России и Запада было множество сходных черт. Почти все недостатки российской общественности, выражавшиеся в ее слабости и разобщенности, а также в патерналистском и подозрительном к ней отношении правительства, опасение невинной на первый взгляд деятельности в области науки и культуры как возможности вмешательства в политику и пр., были характерны для государств континентальной Европы. Добровольные общества в Европе, как и в России, страдали от болезней роста. Зародившись в эпоху Просвещения, они не расцвели сразу: на развитие им потребовалось более столетия. Темпы их развития в разных странах различались. Коммуникативные связи между ас-

⁹ MARGARET C. JACOB, *Living the Enlightenment: Free-masonry and Politics in Eighteenth century Europe* (NYC – Oxford: Oxford University Press, 1991), 85, 96–120, 161, 179.

социациями во Франции и Германии были слабее, чем в Англии и Шотландии. Границы между гражданским обществом и государством часто бывали весьма прозрачными, а сотрудничество и кооперация легко перемежались с конфронтацией. Вместе с тем общества трудились вместе с властями на началах взаимной пользы и сотрудничества¹⁰.

Приведенный очерк характеризует исследовательские подходы к созданию сравнительной истории добровольных обществ. Он позволяет наметить определенные группы организаций, типичные для различных стран и культур, черты ассоциативной культуры, а также этос, который приобретался в ходе гражданской самоорганизации. Через изучение истории добровольных ассоциаций становится понятен вектор развития общества. Добровольные ассоциации в сфере науки и техники, литературы и искусства, просвещения и здравоохранения, благотворительности и взаимопомощи выступали антитезой сословному обществу с характерными для него иерархическими корпоративными институтами, основанными на принципе принудительного участия, и являлись атрибутами общества гражданского. Появление добровольных обществ символизировало зарождение нового типа организации социума, ориентированного на самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе демократического их обсуждения, равенство возможностей, ротацию должностей. Для самодержавного правления, привыкшего к осуществлению контроля над всеми сферами жизни общества, они были конкурентом, оспаривавшим его монопольное право на выражение интересов населения. В то же время нацеленность ассоциаций на решение конкретных практических задач и вера их активистов в возможности эволюционного пути преобразования российской жизни формировали в них способность к компромиссу и взаимодействию с публично-властными институтами.

РОЖДЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ. ТРАНСФЕР ИДЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Добровольные ассоциации зародились в России в последней трети XVIII в. Само по себе их появление явилось следствием политики модернизации и европеизации, проводимой правителями XVIII столетия, прежде всего, Петром I и Екатериной II.

Петровская концепция власти не подразумевала существования общества как контрагента государства. Она была нацелена на создание

¹⁰ Джозеф Брэдли, *Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество* (М.: Новый хронограф, 2012), 73, 89, 91.

дворянского общества, обладавшего навыками светского поведения и способностью служить государю. Правление Екатерины II и проводимые ею реформы создали правовые условия для юридического оформления дворянского и городского сословий, а также для складывания российского общества. Общество, объединявшее не только дворянскую элиту, но и иные категории подданных, а также коррелирующее с ним понятие «публики» стали наполняться содержанием в годы правления Екатерины II и Александра I. Под «публикой» подразумевались образованные социальные группы (читатели, слушатели, зрители), являвшиеся потребителями новой светской культуры и противостоявшие как представителям государственной бюрократии, так и народу¹¹.

Первые добровольные ассоциации («частные общества», либо «общества частной инициативы», как они в ту пору назывались) возникали в первую очередь в тех российских городах, которые граничили с государствами Европы и наиболее активно впитывали западные практики общественной самоорганизации. Это были Петербург, а также города Западного края. Российские ассоциации создавались с опорой на образы и опыт функционирования организаций, сложившиеся в странах Европы и Северной Америки. Они преследовали те же задачи, что и их западные собратья, обретали свое лицо в ходе рецепции сформировавшейся в западных странах традиции самоорганизации.

Между тем становление в России добровольных ассоциаций отставало от аналогичного процесса, происходящего в странах Западной Европы и Северной Америки. Если в Англии «общество ассоциаций» существовало с начала XVIII в., а в США – с начала XIX в.¹², то в России даже в первые шестьдесят лет XIX в., до «великих реформ», общественных организаций было немного – около ста, причем подавляющая их часть действовала в С.-Петербурге, Москве и прибалтийских губерниях¹³.

Европейское влияние выражалось, в первую очередь, в заимствовании Россией из Европы форм добровольных ассоциаций. Большинство разновидностей общественных организаций, действовавших в дореволюционной России, возникло на Западе.

11 Д. Калугин, «История понятия “общество” от Средневековья к Новому времени: русский опыт», в *От общественного к публичному: колл. монография*, науч. ред. О. В. Хархордин (С.-Петербург.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2011), 334–335.

12 В Англии уже в XVIII в. помимо кофеен было создано множество клубов и союзов; так в городе Норвич в 1750 г. каждый пятый мужчина был членом того или иного общественного объединения. В США в период с 1760 по 1820 гг. в штатах Массачусетс и Мэн было основано более 1900 ассоциаций. См.: Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 33.

13 А. Д. Степанский, *История общественных организаций дореволюционной России* (Москва: МГИАИ, 1979), 10.

Первыми формами институционализации российской общественности в екатерининской России являлись клубы. Клубы возникли из остро сознаваемой потребности социального общения, формировавшей русскую публику. В ходе такого общения решались различные задачи: создавались сообщества по интересам, досуг проводился с приятностью и пользой, завязывались деловые контакты и пр.

Создавая первые российские клубы, русские люди использовали опыт Англии, где подобные институты были весьма развиты и удовлетворяли самые разнообразные вкусы. Так, в Великобритании существовали Общество по процеживанию желе, Клуб городских острословов, Макаронный клуб, Клуб по защите билля о правах, Грандиозное общество бифштеков, Орден самцов, Клуб уродов и др.¹⁴

В России первые клубы были созданы иностранцами. Английский клуб в Петербурге, например, был основан английским купцом и масоном Ф. Гарднером в 1770 г. и имел девиз «Согласие и веселье». Клуб призван был содействовать интересному препровождению досуга его членов, а также достижению согласия в их среде. Английский клуб способствовал развитию в России элитарной культуры. Высокий ежегодный членский взнос (в размере 10 руб.), специальные знаки отличия членов клуба, сложная процедура избрания (чтобы стать членом клуба, нужно было заручиться рекомендацией одного из действительных его членов, после чего подвергнуться баллотировке шарами), отсутствие права на посещение для всякого, не являвшегося членом клуба, исключая приезжавших в столицу на время иностранцев, – все это свидетельствовало о закрытости данного собрания¹⁵.

По наблюдению Ш.-Л. Хоффмана, в Центральной и Восточной Европе «общество ассоциаций» также было поначалу элитарным и формировалось без опоры на средний класс, как в Западной Европе¹⁶. Между тем и на родине английских клубов даже в XIX столетии проблема критериев допуска в эти элитарные учреждения не была решена. Интенсивное развитие промышленности и торговли порождало формирование буржуазной элиты, ставившей на первое место не происхождение, а «хороший тон». В начале XIX в. нувориши допускались в английские аристократические клубы лишь в порядке исключения. Лишь позднее, в результате слияния аристократической и буржуазной элит, понятие «джентльмен» превратилось из разъединяющего в консолидирующее нацию. Сходная проблема взаимоотношений традиционной элиты

14 Л. В. Завьялова, *Петербургский Английский клуб. 1770–1918: Очерки истории* (С.-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2005), 7–8.

15 Завьялова, *Петербургский Английский клуб*, 14–15.

16 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 33.

и новых людей существовала в первой трети XIX в. во Франции: там тоже сказывалась потребность в расширении знати за счет буржуазных элементов¹⁷.

В период создания Английского клуба в Петербурге в него входило 50 членов, преимущественно иностранцев, англичан и немцев, однако к середине XIX в. он насчитывал уже порядка четырехсот человек. В их числе были известные общественные деятели Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский, поэты В. А. Жуковский и А.С. Пушкин, а также представители видных столичных аристократических фамилий. Членство в Английском клубе было актом социального престижа, признаком принадлежности к высшему обществу для одних и способом интегрироваться в него и добиться продвижения по службе, – для других. В рамках клуба складывался особый кодекс поведения: за попытку вынести из помещения клуба газету взимался денежный штраф, споры между членами разрешались с помощью посредников, составлявших вердикт и требовавших неукоснительного его исполнения, за нарушение публичных правил следовало исключение из клуба и пр.¹⁸

В 1772 г. Английский клуб появился в Москве. Следуя терминологии Ш.-Л. Хоффманна, это был символ возникновения общества социального общения со всеми присущими ему чертами. Предоставляя своим членам возможность совместного обеда, игры в карты или в бильярд, приятной беседы, он формировал уклад жизни и определял сферу общения своих посетителей: поэтов и писателей, литераторов и историков. Спустя полвека, в 30-е гг. XIX в., английские клубы появились в провинции (Одессе, Екатеринославе, Керчи).

Наряду с Английским клубом, в Петербурге в начале 1770-х гг. иностранцами были основаны и другие организации. Так, петербургским жителем из немцев Шустером был образован Большой Бюргер-клуб. Он стал местом встречи для столичных чиновников, купцов (русских и иностранных), богатых ремесленников и людей творческих профессий. Шустеровскому клубу наследовал Американский клуб, возникший в Петербурге в 1783 г. и насчитывавший к 1800 г. уже 600 членов. В столичном городе действовали танцевальные и музыкальные клубы, также основывавшиеся, как правило, иностранцами¹⁹.

Другая характерная особенность становящейся публичной сферы в России последней трети XVIII в. как находившейся в зоне европейского влияния заключалась в том, что многие посетители салонов и

17 И. С. Розенталь, «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XIX вв. (Москва: Новый хронограф, 2007), 35–36.

18 Дуглас Смит, *Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке* (Москва: Новое литературное обозрение, 2006), 81.

19 Смит, *Работа над диким камнем*, 79.

клубов, а также научных обществ были масонами. Автор исследования о масонском ордене и русском обществе в XVIII в. Дуглас Смит характеризует масонскую ложу как важный институт российской публичной сферы, призванный внести упорядоченность в аморфное российское общество. По мнению Смита, в «век Екатерины» происходил расцвет русской образованной публики – автономной общественной страты, единство которой придавали выходявшие в России книги, создававшиеся театры и салоны, клубы и общества. Между тем развитие культурных институций происходило в России, как полагает Смит, куда менее интенсивно, чем в странах Западной Европы. Существенно меньшее число людей было затронуто их деятельностью, и не столь разнообразной в сравнении с Европой была инфраструктура публичных институций. Так, в Петербурге не было привычных для европейца кофеен, где образованная публика могла бы свободно обсуждать последние новости и выходящие печатные издания. Между тем отставание России в числе и многообразии публичных институтов не приводит историка к выводу о превосходстве Европы. Напротив, следуя за Ш. Л. Монтескье, согласно которому гражданское общество является узкой группой лиц, объединенных взаимным доверием, т. е. лично знакомых между собой, Смит заключает, что этому определению русская публика отвечала в большей степени, нежели западноевропейская. Специфика российской публичной сферы видится Смицу в том, что разграничение публичной и частной сфер социального существования было выражено здесь существенно слабее: оно наметилось при Петре I и Екатерине II, однако на протяжении XVIII в. границы между обществом и государственным аппаратом оставались в высшей степени призрачными²⁰.

Формой коммуникации русской публики XVIII в. явились органы печати, признаваемые Ю. Хабермасом центрами литературной публичности, наряду с клубами. Так, в годы правления Екатерины II возникло книжное издательство Н. И. Новикова, которое организовало при Московском университете типографию, издававшую труды по литературе, истории и философии. Помимо этого, издавались журналы «Всякая всячина», «Трутенъ» и др.

Важным элементом модернизационного проекта Екатерины II стало Вольное экономическое общество (ВЭО). Возникшее в 1765 г. при участии императрицы, ВЭО призвано было явиться «патриотическим обществом содействия земледелию и домостроительству России»²¹.

20 Смит, *Работа над диким камнем*, 87–89.

21 Так ВЭО именовалось в плане, составленном учредителями с придворным библиотекарем Екатерины II И. И. Таубертом во главе: *История Императорского Вольного*

Подобно европейским научным и сельскохозяйственным обществам того времени, оно ставило целью создавать и распространять полезное знание. Трансфер европейского опыта в его деятельность заключался еще и в том, что члены ВЭО собирали, переводили на русский язык и транслировали информацию о достижениях западных стран в сельском хозяйстве и экономической науке. В своих периодических изданиях они не упускали из виду ни одного выдающегося нововведения, возникавшего на Западе. Посредством своих членов и учреждений подобные новшества внедрялись в России, а российские дворяне приобщались к европейской культуре ведения сельского хозяйства.

Устав ВЭО, формы и методы его работы заложили основы организационного устройства и деятельности российских ассоциаций, возникших в дальнейшем, а также принципы отношений государства и общественных организаций в XIX в. Появление ВЭО и принятие его императрицей под свой патронаж символизировало стремление государства к кооперации с ассоциациями. Разделяя убеждение М. Джейкоб, что заимствование европейского опыта не ограничивается частными практиками и технологиями, но рано или поздно с неизбежностью перерастает в подражание европейским политическим формам, упомянем, что ВЭО знакомило россиян с европейской экономической и политической культурой. Так, оно способствовало не только внедрению рациональных форм хозяйства в аграрный сектор российской экономики, крайне отсталый в ту пору, но и приняло активное участие в подготовке аграрной реформы в России и привитии русской публике идей о преимуществах наемного труда перед крепостным, необходимости освобождения крестьян с землей и др. В недрах ВЭО сформировались кадры прогрессивных бюрократов, активных акторов аграрных и политических реформ второй половины XIX – начала XX вв. В стенах ВЭО раздавалась критика в адрес постановления народного образования и осуществлялись сборы на народные читальни и библиотеки²². История Вольного экономического общества весьма поучительна, поскольку показывает, как элитарное общество, консолидировавшее верхи дворянства и чиновной бюрократии, стало на рубеже веков центром российской общественности и земского «третьего элемента», всерьез озабоченных проблемой содействия проводимым в России конституционным реформам и становящимся представительным учреждениям.

экономического общества с 1765 по 1865 год, составленная секретарем его А. И. Ходневым (С.-Петербург: Типография «Общественная польза», 1865), 12.

22 О деятельности Вольного экономического общества см. подробнее: А. С. Туманова, *Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг.* (Москва: Проспект, 2019), 107–122.

В начале XIX в. в русском обществе ощущалась невиданная ранее тяга к объединению. Она проявлялась в создании всевозможных кружков, салонов и собраний, на почве которых произрастали «регулярные» общественные организации. Начиная со второй половины 1810-х гг. выразителем общественного мнения выступала не только дворянская аристократия, но и литераторы и просвещенное офицерство, служившее в гвардии. Под воздействием европейской культуры и образа жизни одной из моделей реализации интеллектуального потенциала дворянства становятся тайные общества декабристов 1810–1820-х гг. – новый тип социальной коммуникации и конспиративного движения²³. Это было время разработки конституционных проектов, как представителями российского общества, так и власти.

Наибольшее распространение тогда получили литературные объединения, как неформальные (кружки, салоны, вечера), так и формализованные (общества, собрания, клубы). Во многих из них руководящие позиции заняли будущие декабристы. Примером литературного общества, разрешенного правительством и действующего официально, явилась «Беседа любителей русского слова» (1807–1816 гг.), возникшая как литературный салон в доме Г.Р. Державина в Петербурге. В 1811 г. профессорами Московского университета и литераторами было создано крупное литературное общество дореволюционной России – Общество любителей российской словесности (ОЛРС), просуществовавшее до 1930 г. В нем работали известные писатели И. С. Тургенев, А. К. Толстой, И. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский. ОЛРС выступило первопроходцем в организации литературных выставок и литературно-музыкальных вечеров, ставших неотъемлемой частью досуга русской публики. К числу новаторских начинаний, в которых участвовало ОЛРС, принадлежит издание «Толкового словаря» В. И. Даля, работа по открытию памятников отечественным писателям, а также по созданию русского литературного языка²⁴. В 1820–1830 гг. литературные кружки и салоны в России достигли своего расцвета: их было образовано 54²⁵.

В имперской России, таким образом, также имел место описанный Ю. Хабермасом переход от ранней литературной публичности, институтами которой являлись кофейни, салоны и застольные разговоры с их посетителями, характерные для элитарного дворянского общества,

23 См. подробнее: Т. В. Андреева, *Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение* (С.-Петербург: Лики России, 2009), 208, 882–883.

24 Р. Н. Клейменова, *Общество любителей российской словесности, 1811–1930* (Москва: Academia, 1998), 3.

25 М. Аронсон, С. Рейсер, *Литературные кружки и салоны* (СПб.: Академический проект, 2001), 336.

к новой литературной публичности²⁶, характеризовавшейся формализацией и вовлечением разнородных категорий членов. Тенденции развития публичной сферы в первой четверти XIX в. символизировали и то, что к страсти объединяться, чтобы общаться, свойственной русскому обществу и полвека назад, в ту пору присоединилась потребность объединяться, чтобы читать. Страсть к чтению отражала общую черту европейского Просвещения со свойственными ему идеями нравственного совершенствования и упражнения в добродетели путем образования и самообразования. Потребность в получении образования и обсуждении прочитанного вела к созданию в европейских государствах кружков и кабинетов для чтения. Они появились впервые в Англии в начале XVIII в., а уже с середины столетия получили распространение в континентальной Европе, особенно во Франции и в немецких землях, где высокими темпами происходил прирост книжной продукции. Границы между кабинетами чтения и литературными обществами XVIII столетия были достаточно тонкими²⁷.

Забегая вперед отметим, что общества распространения народных чтений и библиотек, в буквальном смысле усеявшие территорию Российской империи в 90-е гг. XIX в. и внесшие существенный вклад как в формирование литературных вкусов читающей публики, так и в демократизацию системы образования, также «перекочевали» в Россию из культурной Европы. Их предшественниками являлись читательские общества, сыгравшие заметную роль в культурной революции эпохи Просвещения. Как отмечает Роже Шартье, «читательские общества и клубы были активными участниками трех важнейших процессов века Просвещения: они способствовали развитию демократических форм общения, ибо их решения принимались на основе голосования и без учета сословного статуса членов клуба; они являлись важным инструментом цивилизации, поскольку их уставы строго регламентировали нормы поведения; наконец, они способствовали созданию нового интеллектуального и социального публичного пространства, где частные лица могли в стороне от властей совместно обсуждать государственные дела и деяния монархов»²⁸.

В условиях подъема благотворительности и поддержки ее правительством Александра I стали формироваться благотворительные общества. Первые такие ассоциации, как и многие другие, возникли

26 ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы*, 81.

27 ХОФФМАНН, *Социальное общение и демократия*, 30–31.

28 РОЖЕ ШАРТЬЕ, «Книги, читатели, чтение», в *Мир Просвещения. Исторический словарь*, под ред. В. ФЕРРОНЕ, Д. РОША (Москва: Памятники исторической мысли, 2003), 300–301.

на западе империи. Они появились в Вильно (в 1807 г. было основано Виленское человеколюбивое общество), Дерпте (в 1822 г. – Дерптское общество помощи), а также в Ревеле, Брест-Литовске, Пернове, Гродно. В 1830-е годы деятельность благотворительных организаций становится более многоплановой. Проживающие в империи иностранцы создавали организации для оказания помощи землякам: Благотворительное общество в пользу швейцарцев и Благотворительное общество в пользу немцев в Одессе. Представители религиозных конфессий столичных городов учреждали общества для призрения своих неимущих собратьев²⁹.

Результатом поиска российским обществом 1840-х гг. национальной идентичности и самостоятельного места российской науки в системе общеевропейского научного знания стало основание в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Учреждение РГО было в значительной мере реакцией на развитие международного научного сообщества и на создание подобных институций в Европе и Америке. Первое Географическое общество было основано в Париже в 1821 г. Затем возникли Берлинское географическое общество (1828 г.) и Королевское географическое общество в Лондоне (1830 г.), а также географические общества во Флоренции (1824 г.), Дрездене (1831 г.), Бомбее (1836 г.), Франкфурте (1837 г.), Бостоне (1840 г.), Рио-де-Жанейро (1839 г.) и Нью-Йорке (1850 г.).³⁰

Как и ВЭО, РГО выполняло патриотическую миссию, посвятив себя изучению земель, народов и ресурсов Российской империи. По замыслу основателей, оно должно было предоставлять международному сообществу информацию о Российской империи с тем, чтобы создать адекватный образ России и русского народа, повысить престиж отечественной науки. Заинтересованность российских общественников в расцвете отечественной науки символизировало расширение поля патриотического дискурса, не ограничивавшегося более лишь выражением верноподданнических чувств³¹. Благодаря благорасположению административных структур, наделивших РГО с 1850 г. статусом императорского общества, щедрыми казенными субсидиями, а также

29 А. Р. Соколов, «Благотворительная деятельность «Императорского человеколюбивого общества» в XIX веке», *Вопросы истории*, no. 7 (2003): 108; Он же, «Российская благотворительность в XVIII-XIX веках (К вопросу о периодизации и понятийном аппарате)», *Отечественная история*, no. 6 (2003): 152.

30 NATHANIEL KNIGHT, "Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855", in *Imperial Russia: New Histories for the Empire*, Ed. by J. BURBANK, D. RANSEL (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1998), 132.

31 М. М. Кром, *Патриотизм, или Дым отечества* (С.-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020), 64.

покровительством на протяжении почти полувека вел. князя Константина Николаевича, эта ассоциация развивалась успешно. Общество занималось научным исследованием регионов страны, организовало серию крупных географических экспедиций (в их числе экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, Н. М. Пржевальского), исследовало социальные и экономические вопросы, а в годы «великих реформ» выступило кузницей прогрессивной бюрократии.

Успех РГО был во многом связан с тем, что эта ассоциация была одной из наиболее заметных русских обществ за рубежом. Оно наладило тесные отношения с зарубежными организациями, и ее многочисленные корреспонденты участвовали в зарубежных научных конгрессах. Так, А. Н. Куломзин, в будущий видный государственный деятель, после окончания Московского университета обучался в Германии, а летом 1860 г. участвовал в статистическом конгрессе в Лондоне, о чем докладывал в РГО³².

Характерной чертой российской публики времени Великих реформ была ее растущая профессионализация и формализация. Из сообществ лиц, связанных узами дружбы и родства, российские ассоциации, как до этого и их европейские собратья, постепенно превращались в формализованные сообщества профессионалов. Ярким примером организации «новой формации» может служить Общество любителей естествознания при Московском университете (1864 г.), преобразованное в 1867 г. в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Его учредители – профессора-естествоиспытатели Московского университета, видели свою миссию в том, чтобы сделать русскую науку, переживавшую «детский возраст» и считавшуюся уделом европейцев, национальной, сформировать сообщество российских ученых. С этой целью ОЛЕАЭ, подобно РГО, публиковало свои материалы на русском языке и формировало широкую сеть членов-корреспондентов. ОЛЕАЭ руководствовалось также побуждением сделать науку достоянием общественности, привить населению веру в величие империи, рождающей ученых-специалистов. Формированию общественности, наделенной чувствами национальной и гражданской гордости, способствовали публичные акции ОЛЕАЭ, такие как этнографические выставки 1867 г. и 1872 г., I Всероссийский съезд естествоиспытателей (1867 г.) и создание первого национального музея прикладных знаний – Политехнического³³.

32 А. Н. Куломзин, *Пережитое. Воспоминания* (М.: Политическая энциклопедия, 2016), 131–132.

33 Джозеф Брэдли, «Наука в городе: Основание Московского политехнического музея», *Россия XXI*, no. 2 (2005): 127.

Работавшие в научных обществах в последней трети XIX в. профессионалы-специалисты выделяли такую специфическую черту российской публичной сферы, как слабая специализация. Так, М. М. Ковалевского, члена целого ряда ученых обществ Москвы, поражало в них «присутствие одних и тех же лиц». «В понедельник, – вспоминал Ковалевский, – они были археологами, во вторник или среду – этнографами или юристами, и неделя не кончалась без новой встречи с ними в психологическом обществе или обществе любителей российской словесности». Данный феномен Ковалевский объяснял тем, что «... специализации занятий, на которую жалуются в Европе, у нас не существует», а «культурный класс не представляет у нас большой толщи»³⁴.

Подчеркивая важную роль частных обществ в защите памятников архитектуры, которыми славилась Москва, просвещенный аристократ и общественный деятель граф С. Д. Шереметев сетовал: «почему у нас не додумались до Общества охранения и реставрации художественных, исторических зданий, как во Франции, дабы существовал какой-либо контроль над произволом благотворителей с одной стороны и строительных разрушителей с другой?»³⁵. Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины было основано в Петербурге в 1909 г. и имело филиалы в Туле, Орле, Казани, Вильно, Ростове и др.³⁶

К началу XX в. одним из наиболее заметных видов ассоциаций в России становятся вольно-пожарные общества. Их образование началось в XIX в. и было реакцией на недостаточную организацию в городах противопожарной службы. Вольно-пожарные общества переняли организацию у добровольных обществ пожарных Германии. В России общества пожарных появились сначала в прибалтийских городах: в Ревеле в 1862 г. и в Риге – в 1865 г., где и показали наиболее успешный пример несения пожарной службы. Помимо тушения пожаров, активисты-пожарные издавали свою газету и в кооперации с немецкими коллегами устраивали съезды. Лишь спустя четверть века вольно-пожарные общества стали возникать в Центральной России, копируя германо-прибалтийскую их организацию. Однако в отличие от своих американских собратьев, имевших существенный политический вес и не боявшихся вступать в противоборство с членами муниципальных учреждений,

34 М. М. Ковалевский, *Моя жизнь: Воспоминания* (Москва: «Российская политическая энциклопедия») (2005), 216.

35 *Мемуары графа С. Д. Шереметева*, Сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина (Москва: Индрик, 2001), 342.

36 Устав Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. СПб., 1909. С. 1.

российские пожарные общества отличались лояльностью³⁷. Крупнейшее из них – Императорское российское пожарное общество – привлекалось к разработке пожарного законодательства³⁸.

Практики организации публичного пространства в сфере здравоохранения и социальной помощи в Северной Америке и Европе также влияли на российскую ситуацию. Так, в 1880-е гг. в Германии и США была организована работа по противодействию детской смертности и охране младенчества. Там появились учреждения для раздачи молока грудным детям, а в 1890 г. такие места возникли во Франции и стали именоваться «Капля молока». Европейские города были знакомы также с консультациями для грудных детей. Оба типа общественных учреждений боролись с детской смертностью, однако разными методами. «Капли молока» снабжали детей, лишенных грудного вскармливания, качественным молоком и питательными смесями. Консультации же молоком не обеспечивали, но занимались пропагандой грудного вскармливания, наблюдали за развитием младенцев и просвещали матерей в вопросах ухода. В консультациях молоко назначалось только детям, матери которых по объективным причинам не могли кормить их грудью. Поначалу в Европе наибольшей популярностью пользовались «Капли молока», однако ситуация изменилась и общество решило объединить эти учреждения, присоединив к консультациям «Капли молока» в виде молочной кухни. Сторонники консультаций доказывали, что идея учреждения в том, чтобы все дети находились в одинаково благоприятных условиях, тогда как широкое распространение дешевого молока могло привести к обратному результату: побудить матерей отказаться от грудного вскармливания детей³⁹.

В России первые учреждения такого рода возникли в 1890-х гг. Инициатором создания «Капли молока» в Петербурге выступило в 1904 г. Русское общество охранения народного здравия. Заимствуя западный опыт, столичные врачи и фармацевты организовали станцию для получения и приготовления молока. Сотрудники станции развозили молоко по аптекам, откуда его и получали нуждающиеся матери. Петербургская «Капля молока» содержалась преимущественно на членские взносы членов Общества и испытывала нехватку средств, однако вскоре

37 Найджел РААБ, «Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880–1905 гг.», в *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века*, отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2007), 263–268.

38 Биржевые ведомости. 1913. 22 февраля. Утр. вып.

39 Е. В. Колганова, *Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв.* Дис. ... канд. ист. наук (Москва, 2012), 140–141.

подобные учреждения стали возникать в разных районах Петербурга и при детских больницах. «Капли молока» появились в различных городах России: в Харькове, Таганроге, Киеве, Архангельске и Варшаве. В Москве силами Общества борьбы с детской смертностью было устроено три консультации для грудных детей с выдачей молока и питательных смесей. В конечном итоге консультация для родителей стала преобладающей формой помощи детям, лишенным грудного вскармливания, и в России. Прошедший в декабре 1912 г. всероссийский съезд детских врачей признал детские консультации единственно эффективным средством в борьбе с заболеваемостью и смертностью детей. Их предлагалось организовать повсеместно в империи, при всех родильных домах, больницах и амбулаториях. «Капле молока» отводилась роль вспомогательного учреждения при консультациях для грудных детей⁴⁰.

Заметную роль в трансфере в публичную сферу России европейских социальных институтов играла российская печать. Печатные издания периодически публиковали материалы о функционировании частных обществ в странах Европы и Америки, призванных служить образцом для их российских собратьев. К примеру, когда весной 1909 г. Московский университет решил увековечить память недавно умершего профессора А. И. Чупрова учреждением Общества для содействия успехам общественных и экономических наук, призванного к изучению российской экономической действительности, газета «Русские ведомости» разместила большую статью. В ней разбирался опыт основанного в Германии в 1870-х гг. Общества социальной политики. Вопросы социального законодательства дебатировались в его первых заседаниях настолько широко, что за несколько дней по рабочему вопросу было сказано и написано больше, чем за предыдущие десять лет. Перспективным представлялся автору статьи также опыт основанного в Париже в 1900 г. международного Общества защиты труда, имевшего отделения почти во всех европейских странах и публиковавшего в своих бюллетенях законы по рабочему вопросу и охране труда. Корреспондент газеты сетовал, что Россия к международному союзу не примкнула, а публикуемые о ней данные получают от случайных корреспондентов. Общество для содействия успехам общественных и экономических наук могло бы, по его мнению, стать русской секцией международного союза охраны труда, чтобы способствовать развитию «нашей отсталой социальной политики»⁴¹.

40 Первый всероссийский съезд детских врачей, *Русские ведомости*, по. 355 (1912), 28 декабря; Съезд детских врачей, *Русские ведомости*, по. 2 (1913), 3 января.

41 Об Обществе «экономических исследований», *Русские ведомости*, по. 23 (1909), 20 марта

На научную жизнь европейских стран в XIX столетия существенное влияние оказывали национальные съезды ученых разного профиля – медиков, инженеров, юристов, статистиков, естествоиспытателей и др. Начиная с последней трети XIX в. ученые съезды стали созываться и в России. Организованы они были по немецкому образцу, активно используя достижения европейской науки и общественности.

Научные съезды стремились поставить российскую науку в один ряд с наукой европейской. Так, в ходе периодически проводимых в начале XX в. русской группой международного союза криминалистов съездов российские юристы анализировали европейское уголовное законодательство. На апрельском съезде 1910 г. русские ученые представили доклады, посвященные вкладу в науку недавно умерших светил европейской криминологии и судебной медицины: создателя антропологической школы уголовного права Чезаре Ломброзо и Габриэля Тарда⁴².

Устроителей женских съездов в России окрыляли победы участниц международных женских конгрессов. Так, после организации в Копенгагене третьего международного женского съезда активные и пассивные политические права получила более половины женского населения Норвегии, а в Великобритании женщинам были предоставлены муниципальные права⁴³. Российские женские съезды были плотно интегрированы в мировое женское движение. К примеру, делегаты Всероссийского съезда по образованию женщин в Петербурге в декабре 1912 г. получили приветственные телеграммы от женских лиг борьбы за избирательные права США, Лондона, Будапешта, финляндских женских организаций. В секциях съезда слушались доклады об особенностях женского образования в Америке⁴⁴.

Европейская символика сопутствовала организации в России таких форм публичности, как юбилейные торжества. Так, на банкете в апреле 1909 г. по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя в Петербурге присутствовали французские гости, был провозглашен тост за прекрасную Францию, эмблемой которой является «движение вперед», и трижды играли Марсельезу. Затем последовали тосты за германских, английских, чешских, болгарских и галичских представителей и исполнялись национальные гимны этих стран⁴⁵. Через символику заимствовались язык и словарь европейского конституционализма.

42 Съезд криминалистов, *Русские ведомости*, no. 91 (1910), 22 апреля

43 Международный женский конгресс в Лондоне, *Русские ведомости*, no. 77 (1909), 5 апреля

44 Всероссийский съезд по образованию женщин, *Русские ведомости*, no. 298 (1912), 28 декабря

45 Гоголевские торжества, *Биржевые ведомости*, no. 11082 (1909), 30 апреля. Утр. вып.

Первая русская революция традиционно ассоциируется в литературе с политизацией российской общественности и возникновением политических партий. Между тем подавляющая часть общественных объединений того времени носила неполитический характер. Политических организаций в начале прошлого века насчитывалось более 280⁴⁶, тогда как неполитических обществ только в 1906–1909 гг. было образовано более 4800⁴⁷, а к 1914 г. их насчитывалось более 10000⁴⁸. Появлялись новые виды ассоциаций, возрастала их численность, общества формулировали свою позицию по актуальным вопросам революционного времени, многие из них заметно политизировались.

Изданный в разгар Первой русской революции указ 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» опирался преимущественно на германское и французское законодательство о союзах. Он признавал право российских подданных на создание добровольных ассоциаций и способствовал заметному расширению их присутствия в публичном пространстве. После его издания общества стали возникать, по меткому выражению современника, чиновника Департамента полиции, как «грибы после дождя». За период с марта 1906 г. по сентябрь 1907 г. в одной только в Москве было зарегистрировано 122 общественных организации и 65 профессиональных общества⁴⁹. В перечне московских организаций числились общества досуговые, спортивные, просветительские, литературные, врачебные, взаимного вспомоществования, политические клубы и др. В реестр обществ и союзов по Московской губернии (исключая Москву) было внесено за указанные полтора года 50 организаций, подавляющую часть составляли общества благоустройства дачных местностей и пожарные дружины⁵⁰. В 1912 г. в Москве насчитывалось более шестисот различных ассоциаций, около пятисот обществ действовало в С.-Петербурге⁵¹. В Саратове

46 В. В. Шелохаев, «Политические партии России в свете новых источников», в *Политические партии в российских революциях в начале века*, под ред. Г. Н. Севостьянова (Москва: Наука, 2005), 100.

47 Н. П. Ануфриев, «Правительственная регламентация образования частных обществ в России», в *Вопросы административного права*. Кн. 1. (Москва, 1917), 37.

48 JOSEPH BRADLEY, *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society* (Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2009), 1. <https://doi.org/10.4159/9780674053601>

49 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 е. Л. 1–12.

50 Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 64. Оп. 1. Д. 557. Л. 109–110 об.

51 Джозеф Бредли, «Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России», *Общественные науки и современность*, no. 5 (1994): 79.

к 1914 г. действовало уже 111 ассоциаций, включая клуб эсперанто и общество вегетарианцев⁵².

По динамике прироста ассоциаций российские города догоняли европейские. Известно, что в Мюнхене в середине XIX в. существовало 150, а к началу XX в. уже 3000 объединений, в Австрии в 1856 г. 2234, а в 1910 г. уже 85000 объединений⁵³. Между тем наибольшее число ассоциаций функционировало в граничащих с европейскими странами западных губерниях России. По данным прибалтийского генерал-губернатора А.Н. Меллера-Закомельского, к началу 1909 г. в Курляндской губернии существовало 606 обществ, а в Лифляндской губернии их численность доходила до «грандиозной цифры» – 2060 обществ⁵⁴.

Самоорганизация населения проникла в такие сферы, как совершенствование городской инфраструктуры и коммунальной политики (общества благоустройства городов, пожарные общества, общества архитекторов и др.), социальная защита (благотворительные общества и общества взаимопомощи), здравоохранение (медицинские общества, антитуберкулезные общества и лиги, общества борьбы с раком и с алкоголизмом и др.), физическая культура и спорт (футбольные, гимнастические, беговые общества и др.) и др.

Новаторской формой жизнедеятельности ассоциаций в годы революции стало их участие в движении за народные университеты. Это было массовое движение российской интеллигенции за создание институций, направленных на получение народом научных знаний вне рамок официальных учебных заведений. Российское движение народных университетов опиралось на опыт движения за расширение университетов, возникшего в Англии в середине XIX в. и добившегося широкого распространения практики чтения систематических курсов лекций для рабочих, равноправия языков в преподавании, прохождения университетского курса в сокращенные сроки и др. Английская система получила применение в США, Австралии, Индии, Бельгии и Австрии. Один из таких университетов был создан в 1908 г. в Москве А. Л. Шанявским; преподавание в нем строилось на основе свободного выбора слушателями курсов. Учрежденное в Петербурге в 1906 г. Общество народных университетов к 1909 г. располагало 9 отделами

52 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 100.

53 Лутц Хэфнер, ««Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.)», в *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья*, А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский и др. (Ульяновск, Изд-во Средневож. науч. центра, 2000), 481.

54 Временный прибалтийский генерал-губернатор А. Н. Меллер-Закомельский – П. А. Столыпину 11.02.1909 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1909. Д. 26. Л. 105–105 об.

и 13 аудиториями, преимущественно в фабрично-заводских районах города⁵⁵.

* * *

Итак, резкий численный рост добровольных ассоциаций в позднеимперской России, их повсеместное присутствие в различных сферах российской действительности и у значительного числа профессиональных групп, а также широкий региональный охват (они существовали везде – в С.-Петербурге и в Москве, на национальных окраинах империи, в крупных губернских центрах и в небольших уездных городах) свидетельствовали, что западное изобретение на русской почве успешно приживалось и общество социального общения сложилось в России в начале XX в.

Становление в имперской России публичной сферы происходило с определенным отставанием от ведущих европейских стран. Вместе с тем российские общественники активно заимствовали институты, практики, систему ценностей и символику у своих европейских и североамериканских коллег. Динамика и вектор развития добровольных ассоциаций в России были сходными с европейскими. Рождение ассоциаций происходило здесь в той же логике и последовательности, что и в странах Европы.

Учреждая новые ассоциации и съезды, их создатели стремились встать вровень с институциями Европы, скопировать отдельные формы их деятельности, повторить достижения. При этом активисты российских научных и просветительских организаций XIX в. руководствовались патриотическими побуждениями. Они были движимы желанием явить миру образ культурной, просвещенной и преуспевающей России, занять достойное место в европейском культурном пространстве. Географическая удаленность России для европейцев и недостаточное их знакомство с ней только усиливали эту мотивацию. Приучая своих членов к совместному обсуждению вопросов, высказыванию мнений и выработке общей позиции, выборам правлений и ротации членов, добровольные ассоциации создавали в России систему ценностей, близкую и понятную европейцу: ценились личная инициатива и предприимчивость, самостоятельность и ответственность, вера в прогресс.

В отношениях с государством российские общественники прошли сходный путь, что и их коллеги во Франции и Германии. Им удалось убедить правительственную бюрократию в необходимости дарования свободы создания ассоциаций и обрести ее в 1906 г. Вместе с тем отношения многих влиятельных научных и просветительских организаций

⁵⁵ РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1909. Д. 26. Л. 279 об. -280.

с государством балансировали на грани. Законопослушные и благонамеренные поначалу ассоциации, сталкиваясь с бюрократическим контролем и опекой, не получая удовлетворения своих чаяний, нередко переходили к конфронтации с государством. Обсуждая в рамках своих собраний вопросы совершенствования общества и государства, члены российского общества ассоциаций приобщались к политическому языку европейского либерализма и конституционализма.

References

- T. V. ANDREEVA, *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion] (S.-Peterburg: Liki Rossii, 2009), 208, 882–883.
- N. P. ANUFRIEV, *Pravitel'stvennaia reglamentatsiia obrazovaniia chastnykh obshchestv v Rossii* [Government Regulation of the Formation of Private Companies in Russia], v *Voprosy administrativnogo prava*. Kn. 1. (Moskva, 1917), 37.
- M. ARONSON, S. REISER, *Literaturnye kruzhki i salony* [Literary Circles and Salons] (SPb.: Akademicheskii proekt, 2001), 336.
- JOSEPH BRADLEY, *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society* (Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2009), 1. <https://doi.org/10.4159/9780674053601>
- DZHOZEF BREDLI, «Nauka v gorode: Osnovanie Moskovskogo politekhnicheskogo muzeia» [Science in the City: The Foundation of the Moscow Polytechnic Museum], *Rossii XXI*, no 2 (2005): 127.
- DZHOZEF BREDLI, «Obshchestvennye organizatsii i razvitie grazhdanskogo obshchestva v dorevoliutsionnoi Rossii» [Public Organizations and the Development of Civil Society in Pre-Revolutionary Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5 (1994), 73, 79, 89, 91.
- DZHOZEF BREDLI, *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii. Nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society] (M.: Novyi khronograf, 2012).
- Birzhevye vedomosti* [Stock Exchange Statements], 1913. 22 fevralia. Utr. vyp.
- Gogolevskie torzhества [Celebrating Gogol], *Birzhevye vedomosti*, no. 11082 (1909), 30 aprelia. Utr. vyp.
- Istoriia Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva s 1765 po 1865 god* [The History of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865], sostavlennaia sekretarem ego A.I. KHODNEVYM (S.-Peterburg: Tipografiia «Obshchestvennaia pol'za», 1865), 12.
- MARGARET C. JACOB, *Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth Century Europe* (NYC and Oxford: Oxford University Press, 1991), 85, 96–120, 161, 179.
- D. KALUGIN, «Istoriia poniatiiia "obshchestvo" ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni: russkii opyt» [The History of the Concept of "Society" from the Middle Ages to the Modern Age: The Russian Experience], v *Ot obshchestvennogo k publichnomu: koll. monografiia*, nauch. red. O. V. KHARKHORDIN (S.-Peterburg.: Evropeiskii universitet v S.-Peterburge, 2011), 334–335.
- IURGEN KHABERMAS, *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniia otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [Structural Change of the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society] (M.: Izd-vo «Ves' mir», 2016), 41–43, 73, 81–111, 170.
- LUTTS KHEFNER, «Khram prazdnosti»: assotsiatsii i kluby gorodskikh èlit v Rossii (Na materialakh Kazani. 1860–1914 gg.) ["The Temple of Idleness": Associations and Clubs of

Urban Elites in Russia (Based on the Materials of Kazan. 1860-1914)], v *Ocherki gorodskogo byta dorevoliutsionnogo Povolzh'ia*, A.N. ZORIN, N.V. ZORIN, A.P. KAPLUNOVSKI I DR. (Ul'ianovsk, Izd-vo Srednevolzh. nauch. tsentra, 2000), 481.

SHTEFAN-LUDVIG KHOFFMANN, *Sotsial'noe obshchenie i demokratiia. Assotsiatsii i grazhdanskoe obshchestvo v transnatsional'noi perspektive, 1750-1914* [Social Communication and Democracy: Associations and Civil Society in a Transnational Perspective, 1750-1914] per. s nemetskogo Iu.V. KORIAKOV, D.A. SDVIZHKOV (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 10, 20, 21, 23-24, 30-31, 33, 47-48, 100, 130, 142.

R. N. KLEIMENOVA, *Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti, 1811-1930* [The Society of Lovers of Russian Literature, 1811-1930] (Moskva: Academia, 1998), 3.

NATHANIEL KNIGHT, "Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845-1855", in *Imperial Russia: New Histories for the Empire*, ed. J. BURBANK, D. RANSEL (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1998), 132.

E. V. KOLGANOVA, *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX - nachale XX vv.* [The Origin of the Maternity and Infancy Protection System in Russia in the Late 19th - early 20th Centuries] Dis. ... kand. ist. nauk (Moskva, 2012), 140-141.

M. M. KOVALEVSKII, *Moia zhizn': Vospominaniia* [My Life: Memories] (Moskva: «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia», 2005), 216.

M. M. KROM, *Patriotizm, ili Dym otechestva* [Patriotism, or the Smoke of the Fatherland] (S.-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020), 64.

A. N. KULOMZIN, *Perezhitoe. Vospominaniia* [The Experience: Memories] (M.: Politicheskaia entsiklopediia, 2016), 131-132.

Memuary grafa S.D. Sheremeteva [Memoirs of Count S.D. Sheremetev], sost., podgot. teksta i primech. L. I. SHOKHINA (Moskva: Indrik, 2001), 342.

Mezhdunarodnyi zhenskii kongress v Londone [The International Women's Congress in London], *Russkie vedomosti*, no. 77 (1909), 5 aprelia

Ob Obshchestve «ekonomicheskikh issledovanii» [About the Society for "Economic Research"], *Russkie vedomosti*, no. 23 (1909), 20 marta

Pervyi vserossiiskii s"ezd detskikh vrachei [The First All-Russian Congress of Pediatric Doctors], *Russkie vedomosti*, no. 355 (1912), 28 dekabria

NAIDZHEL RAAB, «Formirovanie grazhdanskoi identichnosti v obshchestvennykh organizatsiakh Rossii (na primere Vol'no-pozharnykh obshchestv). 1880-1905 gg.» [The Formation of Civic Identity in Russia's Public Organizations (on the Example of Voluntary Fire Societies). 1880-1905], v *Grazhdanskaia identichnost' i sfera grazhdanskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraia polovina XIX - nachalo XX veka*, otv. red. B. PIETROV-ENNKER, G. N. UL'IANOVA (Moskva: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2007), 263-268.

Rossiiskii Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv - RGIA [The Russian State Historical Archive]

— f. 1284. op. 187. 1905. d. 61 e. l. 1-12.

— f. 1284. op. 187. 1909. d. 26. l. 105-105 ob.

— f. 1284. op. 187. 1909. d. 26. l. 279 ob. - 280.

I.S. ROZENTAL', «I vot obshchestvennoe mnen'e!» *Cluby v istorii rossiiskoi obshchestvennosti. Konets XVIII-nachalo XIX vv.* ["And Here is Public Opinion!" Clubs in the History of the Russian Public: The End of 17th - Beginning of 19th Centuries] (Moskva: Novyi khronograf, 2007), 35-36.

ROZHE SHART'E, *Knigi, chitateli, chtenie* [Books, Readers, Reading], v *Mir Prosveshcheniia. Istoricheskii slovar'*, pod red.V. FERRONE, D. ROSHA (Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2003), 300-301.

V. V. SHELOKHAEV, «Politicheskie partii Rossii v svete novykh istochnikov» [Political Parties of Russia in the Light of New Sources], v *Politicheskie partii v rossiiskikh revoliutsiakh v nachale veka*, pod red. G. N. SEVOST'IANOV (Moskva: Nauka, 2005), 100.

- DUGLAS SMIT, *Rabota nad dikim kamnem: Maponskii orden i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Work on the Wild Stone: The Masonic Order and Russian Society in the 18th Century] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006), 79, 81, 87–89.
- A. R. SOKOLOV, «Blagotvoritel'naia deiatel'nost' "Imperatorskogo chelovekoliubivogo obshchestva" v XIX veke» [The Charitable Activity of the Imperial Humane Society in the 19th Century], *Voprosy istorii*, no. 7 (2003): 108.
- A. R. SOKOLOV, «Rossiiskaia blagotvoritel'nost' v XVIII–XIX vekakh (K voprosu o periodizatsii i poniatiinom apparate)» [Russian Charity in the 18–19th Centuries (On the Question of Periodization and Conceptual Apparatus)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 6 (2003): 152.
- A. D. STEPANSKII, *Istoriia obshchestvennykh organizatsii dorevoliucionnoi Rossii* [History of Public Organizations of Pre-Revolutionary Russia] (Moskva: MMGIAI, 1979), 10.
- S"ezd detskikh vrachei, *Russkie vedomosti* [Congress of Pediatric Doctors], no. 2 (1913), 3 ianvaria
- S"ezd kriminalistov [Congress of Criminologists], *Russkie vedomosti*, no. 91 (1910), 22 apreliia
- ALEKSIIS DE TOKVIL', *Demokratiia v Amerike* [Democracy in America] per. s frants./predisl. GAROL'DA DZH. LASKI (Moskva.: Progress, 1992), 378.
- Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv g. – TsGA g. Moskvy [The Central State Archive of Moscow]
— f. 64. op. 1. d. 557. l. 109–110 ob.
- A. S. TUMANOVA, *Obshchestvennye organizatsii v Rossii: pravovoe polozenie. 1860–1930-e gg.* [Public Organizations in Russia: Legal Status. 1860–1930] (Moskva: Prospekt, 2019), 107–122.
- Ustav Obshchestva zashchity i sokhraneniia v Rossii pamiatnikov iskusstva i stariny* [The Charter of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia] (SPb., 1909).
- Vserossiiskii s"ezd po obrazovaniiu zhenshchin [The All-Russian Congress on Women's Education], *Russkie vedomosti*, no. 298 (1912), 28 dekabria
- L.V. ZAV'IALOVA, *Peterburgskii Angliiskii klub. 1770–1918: Ocherki istorii* [St. Petersburg English Club. 1770–1918: Essays on History] (S.-Peterburg: «Dmitrii Bulanin», 2005), 7–8, 14–15.